

Лу Тяо смотрел и внутренне содрогался: лицо его перекосило, на цыпочках он ступал по земле, боясь наступить на грязь. Он семенял за Хо Сяньюем, словно минное поле обходил, с опаской поглядывая под ноги.

На самом деле в городе был новый фермерский рынок, гораздо чище этого, но Хо Сяньюй изначально и собирался вызвать жалость, поэтому выбрал самое плохое место.

Лу Тяо наблюдал, как Хо Сяньюй ловко разворачивает мешок из синтетической ткани, расстилает его на грязной, почти неразличимой по цвету земле и спокойно раскладывает овощи, словно делал это много раз, движения его были уверенными.

Лу Тяо, будучи знатоком красоты, не мог выносить, когда красивому человеку приходится страдать. Чем увереннее действовал Хо Сяньюй, тем более трагичными казались его действия в глазах Лу Тяо. Его брови сдвинулись, и он не выдержал, выхватив баклажан из рук Хо Сяньюя и усадив его на электрический трицикл:

— Сиди, я сам!

Хо Сяньюй поднял на него глаза, и Лу Тяо, стараясь не задеть его гордость, солгал:

— Руки зачесались, хочется поработать!

Хотя Лу Тяо взялся за дело, он, как избалованный молодой господин, никогда раньше не продавал овощи. Ему не нравилось, что корни овощей покрыты грязью, и он брал их только за листья, что вызывало недовольство покупателей. Он также путал лук-порей и зеленый лук, сваливая их в одну кучу и отдавая покупателям, что вызывало еще больше жалоб.

Лу Тяо, однако, не чувствовал себя униженным. Бизнес есть бизнес, все так живут. Но, начав с малого, он понял, насколько это тяжело, и еще больше проникся уважением к Хо Сяньюю.

Солнце постепенно поднималось, и утренняя суeta на рынке стихала. Лу Тяо провел в работе целое утро, продав немного овощей, но пропотев изрядно. Его лицо покраснело от солнца, а челка, которую он обычно тщательно укладывал, прилипла ко лбу от пота, делая его глуповатым и некрасивым.

Лу Тяо еще не знал, что его образ пострадал, и, подсчитав выручку за утро, с радостью сунул деньги в руку Хо Сяньюя:

— Я неплохо справился, да? Кто-то хотел заплатить меньше, но я это заметил!

Он считал, что сегодня показал себя с лучшей стороны, много помог Хо Сяньюю, и, улыбаясь, ждал похвалы.

Хо Сяньюй протянул руку и потрепал Лу Тяо по голове, его влажные зеленые волосы торчали в разные стороны, словно у мокрого ежика.

Лу Тяо тут же схватился за голову, краснея:

— Мужскую голову просто так трогать нельзя!

Но Хо Сяньюй не обращал на это внимания. Он давно хотел сделать это — обнять этого глуповатого мальчишку и взъерошить его волосы.

Лу Тяо ничего не помнил, но Хо Сяньюй не забыл. Летом второго года после землетрясения Лу

Тяо приехал в деревню Уцунь с Янь Чуньхуа. Мальчик, еще ходивший в начальную школу, был настоящим плаксой: плакал, когда мамы не было рядом, плакал, когда его кусали насекомые, и только при виде Хо Сяньюя улыбался, как солнышко.

У Хо Сяньюя была сильная психологическая травма после катастрофы. Два года подряд он каждую ночь видел один и тот же кошмар: сильные толчки, обрушивающаяся земля и бесконечная тьма, поглощающая его. Он провел три дня, зажатый между плитами, а когда выбрался, узнал, что его родители погибли, и только младший брат, которого мать прикрыла своим телом, чудом выжил, но его здоровье оставалось слабым, и за ним ухаживали в больнице.

Хо Сяньюй тогда был еще ребенком, далеко не таким сильным, как сейчас, и скитался по разным пунктам помощи, каждую ночь дрожа от страха.

Он упрямо отказывался от любой психологической помощи, и на все вопросы учительницы Янь отвечал молчанием.

Пока однажды Лу Тяо случайно не вмешался в эту затяжную борьбу. Мальчик с большими, влажными глазами без страха бросился в объятия красивого старшего брата, капризный и милый, дергал Хо Сяньюя за руку и умолял:

— Братик, поиграй со мной, пожалуйста!

Все лето Лу Тяо, как маленький хвостик, не отходил от Хо Сяньюя, прося поцелуев и объятий.

Хо Сяньюй не знал, был ли этот капризный мальчик новой идеей учительницы Янь для его психологической реабилитации, но он точно знал, что Лу Тяо настолько его доставал, что у него не оставалось времени на размышления.

Маленький мальчик, подражая своему роботу-обнимашке, обнял Хо Сяньюя своими мягкими ручками:

— Братик, ты такой замечательный! Ты можешь улыбнуться?

Уголки губ Хо Сяньюя приподнялись.

Волосы Лу Тяо были мягкими, и когда их развевал ветер, они казались одуванчиком, растущим в поле. Хо Сяньюй тогда уже хотел потрогать их...

Лу Тяо, защищая голову, действительно разозлился. Хо Сяньюй вел себя так, словно он был собакой, которую можно гладить и мять, пока не останется никакой прически!

Но, судя по всему, Хо Сяньюй был в хорошем настроении, и Лу Тяо решил не спорить, легонько отодвинул его руку и спросил:

— Где-нибудь поблизости есть парикмахерская? Мне нужно подстричь челку.

Хо Сяньюй подумал и, посадив Лу Тяо на электрический трицикл, свернул в узкий переулок.

Парикмахерская была небольшой, с одной трехцветной лампой и без вывески, выглядела весьма убого.

Хозяин заведения — мужчина средних лет с толстым животом и грубым лицом, держал в руке бритву, которая больше походила на нож для разделки мяса.

Лу Тяо почувствовал холодок на шее и, дергая Хо Сяньюя за рукав, спросил:

— Это место подходит? Выглядит как-то странно...

Хо Сяньюй успокаивающе похлопал его по плечу:

— Я всегда стригусь здесь.

Лу Тяо оценил прическу Хо Сяньюя — обычная короткая стрижка с открытыми ушами, далекая от его зеленого панк-стиля, но все же аккуратная и опрятная.

Лу Тяо тоже учитывал реалии. Его прическа была сделана личным стилистом, и он не ожидал найти в поселке парикмахера такого же уровня. Стрижка, как у Хо Сяньюя, тоже подойдет.

Перед тем как закрыть глаза, Лу Тяо все же не смог удержаться и сказал Хо Сяньюю:

— Смотри за мной, чтобы он не испортил мне прическу.

Убедившись, что Хо Сяньюй кивнул, он спокойно закрыл глаза.

Через десять минут Лу Тяо вышел из парикмахерской с короткой, почти налысо стрижкой, схватил Хо Сяньюя за руку и начал ругать:

— Ты же говорил, что всегда здесь стрижешься! Посмотри, что он со мной сделал, это же почти такая же лысина, как у твоего брата!

— Я действительно постоянный клиент, но я всегда приводил сюда Сяо Яна, — ответил Хо Сяньюй.

Лу Тяо впал в ступор. Теперь ему точно пришлось остаться. С такой прической он не мог вернуться домой. Все подумают, что он разочаровался в жизни, бросил панк и ушел в монахи...

Неужели Хо Сяньюй боялся, что с новой стрижкой он станет красивее, и специально это сделал?

Как же досадно! Сегодня вечером он съест у Хо Сяньюя лишнюю порцию еды!

Тщательно уложенные панковские зеленые волосы Лу Тяо были сбриты за один раз толстым мастером.

Разве это просто волосы?

Нет!

Это была его панковская душа!

Лу Тяо был мрачен, и даже когда Хо Сяньюй предложил ему пельмени, он смотрел на них с грустью, глаза его были полны слез.

— Не страшно, — сказал Хо Сяньюй, пододвигая миску с пельменями к Лу Тяо, искренне похвалив его.

Но Лу Тяо стал еще грустнее. Лысая голова казалась такой холодной и незащищенной. Он, как страус, спрятал свою короткую стрижку в изгибе руки, но даже в грусти не забыл съесть

пельмени.

Он доел всю миску, даже выпил бульон, и, отрыгнув, продолжил держать голову в руках, смотря на Хо Сяньюя с упреком.

Он же обещал следить за стрижкой! Почему он не остановил мастера, когда тот взял машинку? Он предал его доверие!

Лу Тяо, так заботящийся о своей внешности, мог бы устроить скандал из-за испорченной прически, но, глядя на лицо Хо Сяньюя, он не смог разозлиться. Как можно злиться на такого красивого человека? Его гнев, как неразорвавшийся снаряд, тихо угас, оставив лишь легкую обиду. Он полужаловался, полужапризничал:

— Я злюсь, никто не разговаривайте со мной...

Здесь были только они двое, так что эти слова явно были адресованы Хо Сяньюю. Тот едва сдержал смех, желая снова потрепать Лу Тяо по голове.

Но его рука изменила направление, и кончики пальцев коснулись уголка рта Лу Тяо.

— Ты... что ты делаешь! — Лу Тяо мгновенно покраснел до ушей, и, без зеленых волос, его голова стала похожа на красный пушистый шарик.

<http://bllate.org/book/16892/1566184>